

Юрий Пелёвин,
ученик 9 класса, Детско-юношеский
центр «Школа традиционной народной
культуры».

Научный руководитель – педагог
дополнительного образования
Игорь Владимирович Осокин.

ЗООМОРФНЫЕ ПЕРСОНАЖИ СЯТОЧНОГО РЯЖЕНЬЯ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Жизнь русских людей всегда проходила в соответствии с народным календарем, который представлял собой систему членения, счета и регламентации годового времени. Он организовывал всю хозяйственную и бытовую деятельность, определял чередование будней и праздников.

Наступление нового года в народной традиции связывалось главным образом с весенним пробуждением природы. Однако начало нового года связывали и с зимним солнцеворотом. Святки, начало которых приходилось на 25 декабря (7 января), а конец на 6 (19) января, считались временем рождения нового солнечного года. Именно поэтому годовой ритм жизни отсчитывался от Святков до Святков.

Основной формой проведения досуга в изучаемый период считаются игрища. Важным занятием на них являлись святочные обрядовые игры и гадания. Ряженье – один из важнейших элементов святочных игрищ. Как считал В.Я. Пропп, во многих случаях ряженье представляло собой бесхитрое увеселение, состоящее в том, чтобы изменить свой облик, сделать себя неузнаваемым и дурачить, веселить или пугать окружающих своим комическим видом.

Л.М. Ивлева уделяет внимание компонентам внешнего преображения, таким как костюм окрутника, дополняющая костюм маска и вещи-символы, которые являются атрибутами отдельных персонажей и выступают в качестве реквизита, необходимо для воплощения обрядово-игрового текста.

И.А. Морозов и И.С. Слещова связывают этот «переходный» период с двумя идеями. Во-первых, начало года знаменуется пришествием на землю всякой нечисти, в том числе и в облике животных. Во-вторых, это период посещения дома душами умерших родственников.

А.В. Грунтовский, рассматривая историю ряженья, замечает, что оно много древнее *homo sapiens* и доказывает это примерами из животного мира.

С момента открытия в 1991 году по настоящее время Детско-юношеским центром «Школа традиционной народной культуры» г. Вологды проводятся фольклорно-этнографические экспедиции в районы Вологодской области, где собирается материал по темам, касающимся календарных обрядов и праздников. Особое внимание привлекают такие персонажи народных гуляний, как ряженые. Они присутствуют на многих праздниках, таких как Святки, Масленица, свадьба и других. Наш интерес

привлек разнообразный мир святочного ряженья в восточных районах Вологодской области.

В самом общем виде ряженье можно охарактеризовать как особое обрядовое действие. Во-первых, оно состоит в изменении «окрутником» собственной внешности. Меняя свой лик на личину, «харю», «чертову рожу», участник обряда стремится к полной неузнаваемости: ряженный мажет себя сажей, краской, глиной, мукой, нанося их на лицо, шею, руки и другие открытые участки тела. Во-вторых, действие это основывается на переодевании в особую ритуальную одежду (если здесь используется обычная одежда, то ее надевают непременно так, чтобы это входило в противоречие с нормальным способом ношения). В особом ходу у «окрутников» шкуры мехом наружу и всевозможное рванье. Кроме того, они используют ряд поведенческих «масок», вроде особой пластики и особой дикции (тут и специфическая хореография, и страшные, как бы нечеловеческие движения, движения без слов, и, наоборот, противоестественно громкие реплики). Вместе с тем ряженье – это еще и результат подобного преображения, который обязательно приобретает в ритуале дополнительную функционально-смысловую нагрузку.

Поведенческие маски, как видно из данных этологии, существуют во всем животном мире, то есть изменение характера движений, извлечение звука, окраски и положения шерсти, перьев, раздувание специальных зобов, манипуляции крыльями, хвостами и прочее, выделение особых запахов и так далее. Ко всему этому длинному списку масок человек добавил только одну, причем самую статичную, маску-предмет, маску как продолжение своей внешности (одежды).

Еще в эпоху раннеродового общества при господстве охотничьего хозяйства применялась техника маскировки. Из этого родились магические пляски охотников, с помощью которых, как они верили, можно заманить зверя. Вторичность маски-предмета очевидна. Определяющей в ряженье человека (как и животных) является поведенческая маска.

Маски животных и человека связаны с двумя типами поведения: механизмом продления рода (брачные бои, танцы ухаживания) и механизмом продления жизни особи (питание, охота). Третий тип масок – погребальные, которые характерны только для людей.

Реконструкция чакалки (Бабушкинский район)

Л.М. Ивлева важную роль в перевоплощении отдает маске участника обряда. Изготавливалась она обычно «по поводу» и была связана, главным образом, с календарными обрядами. При этом использовались подручные, легко доступные и большей частью недолговечные материалы. По имеющимся описаниям, типичны бумажная маска с прорезями для глаз и рта, самодельная маска из сахарной бумаги, маски из бумаги или бересты с носом. Широко распространены также личины со вставленными из брюквы, картошки и редьки зубами, головы животных из соломы (кору, долбленого дерева, льна, тряпок и пр.) с нарисованными углем глазами и носом (прикрепленные к специальной палке, они используются для изображения коня, козы, гуся, журавля и других зооморфных персонажей).

Любопытна маска козы, описание которой встретилось нам в Нюксенском районе. Она представляет собой деревянную голову на палке, покрытую шерстью, с выпяченными вперед рогами. Нижняя челюсть у нее подвижна, она соединена с верхней при помощи веревки. С помощью этого изобретения «коза» издает характерный щелчок. Подобную маску рассматривает И.И. Шангина в своей работе «Коллекция русских святочных масок в РЭМ».

По мнению Л.М. Ивлевой, надевание маски являлось уделом избранных членов коллектива, а не всех без исключения. Тут можно различить следы определенных привилегий, дающих отдельным носителям традиции особое право на маску в силу их половозрастной или статусной принадлежности. Известны случаи распределения масок между мужчинами и женщинами: первым

соответствуют специально сделанные маски, в то время как вторым – приспособленные для маскирования предметы. Не исключено, что такая практика является далеким отголоском сакрального отношения к процессу изготовления маски (известно, что у многих народов женщины участие в нём не принимали).

Маскирование можно рассматривать как отречение от людей и основание для контакта с нечеловеческим миром. Но между отречением от мира человеческого и надеванием маски существовала особой силы мифологическая связь. Считается, что надевший маску, уподобляется черту. Надевание на себя личины сравнивалось с тяжким, смертным грехом.

Погружение в воду или обливание водой типично для ситуации, завершающей цикл ряженья. В этом эпизоде маскирования можно видеть ритуальное изгнание демонов, сопоставимое с другими формами их выпроваживания (уничтожения).

По имеющимся данным можно сделать вывод о том, что самыми распространенными зооморфными персонажами святочного ряженья являются медведь, гусь и лошадь. Они встретились в шести изучаемых нами локальных традициях. Осы, коза и в особенности корова являются самыми непопулярными персонажами. По подбору зооморфных окрутников лидируют Сямженский и Нюксенский районы. В них встречаются по пять из семи зооморфных персонажей. Кичменгско-Городецкий и Никольский районы являются бедными по подбору «окрутников» в образе животных.

В медведя рядились представители мужского населения. Для перевоплощения повсеместно использовались вывернутые на левую сторону шубы. В Сямженском районе могли надеть и настоящую шкуру медведя. В Тотемском районе к шубе добавлялись вывернутые рукавицы, маска в виде медвежьей морды или платок, занавешивающий лицо. Вдобавок, на медведя весили коровий колокол. В Кичменгско-Городецком и Тарногском районах выворачивали не только шубы, но и шапки. В Тарногском районе иногда выворачивали шубный пиджак и надевали его так, чтобы рукава были на ногах. В Сямженском, Тарногском и Бабушкинском районах медведь ходил на четвереньках. Также в последнем районе на руки и ноги надевали валенки, а на лицо – капроновый чулок или мазали лицо сажей, как в Нюксенском районе, где лицо и лоб могли закрыть натянутой на них шапкой.

Внимание ряженого медведем было направлено на девок. В Кичменгско-Городецком районе он лез с ними обниматься, в Нюксенском и Тотемском – катал по полу, в Бабушкинском просто хватал их. В Тарногском районе медведь рычал, уркал и ползал по полу. А в Бабушкинском районе он еще и плясал.

Медведя обычно приводили в избу. В Сямженском районе – на цепочке, в Тотемском – на веревке под конвоем охотников с ружьями. В Нюксенском районе у него был свой хозяин – пестун. В Тарногском районе медведя приводила на поводке женщина, переодетая мужиком. При этом она хлестала его плетью. В трех районах: Бабушкинском, Тарногском и Тотемском могли рядиться не только медведями, но и медвежатами.

В курицу перевоплощались посредством просовывания рук и ног в рукава куртки, тулупа и сзади «застегивали». В Тарногском районе делали хвост и петушину голову, а в Нюксенском неизменным атрибутом были ножницы в руках персонажа.

В Сямженском районе курицу таскали по избушкам, так как сама она передвигаться не могла, ее даже могли посадить на воронца. В Нюксенском районе, наоборот, ласково называемый «Петушок» был агрессивен и «клевался» ножницами.

Процессия, связанная с ряженым конем, во всех районах состояла из нескольких человек. В Сямженском районе лошадь состояла из двух человек, также был ямщик и другие сопровождающие. В Тотемском районе наряжали женщину, которую в избу заводили 2 парня, а в Тарногском – 2–3 человек, в образе лошади заводил мужик.

Чтобы перевоплотиться в данного персонажа во всех районах на участников что-то набрасывали. В Бабушкинском накидывали белую простынь, в Сямженском надевали овечьи или коровьи шкуры, во всех остальных – выворачивали шубу на левую сторону. Помимо накидки использовали и другие элементы костюма «окрутников». В Сямженском, Тарногском и Нюксенском районах одним из атрибутов была дуга, к которой были прикреплены колокольцы. В Тотемском районе вместо дуги первый человек держал специально изготовленную лошадиную голову, в Бабушкинском – ухват или батог. В Сямженском районе сзади навязывали корзину и стегали по ней. В Тотемском районе прикрепляли хвост из льна, в Бабушкинском – настоящий конский хвост, а в Нюксенском – веник-хвост, который смачивался водой с сажой.

Практически во всех районах лошадь и сопровождающие ее люди ведут себя агрессивно по отношению к девкам. В Сямженском районе парни стегали их вицами и ремнями, ямщик бил плеткой, сам конь вскакивал на скамейки. В Тотемском районе лошадь ржала, прыгала, скакала, лягала тех, кто ей досадил, в Бабушкинском она плясала и ударяла девок батогом по ногам. В Нюксенском районе лошадь брызгала веником, намоченным водой с сажой и только в Тарногском она могла катать детей.

В трех районах, Сямженском, Тотемском и Бабушкинском, присутствует сцена продажи лошади с расхваливанием последней.

Для перевоплощения в гуся во всех районах использовалась вывернутая шуба, только в Нюксенском мужчина пропихивал обе руки в один рукав тулупа и брал в них ножницы. Лицо при этом у него было закрыто платком. Ножницы присутствуют также в образе ряженого гусем в Кичменгско-Городецком, Тарногском, Никольском районах. В Сямженском вместо них была клюка или швейка, в Тотемском – батог с вколоченным на конце гвоздем, а в Нюксенском могла быть вороба с прикрепленным к ней веретеном. Во всех районах, кроме Нюксенского, курица клюет девок своим колющим атрибутом ряженья. В последнем же она просто клюет зерна, насыпанные хозяйкой.

Рога, неизменный атрибут окрутника в образе козла, встречаются в Бабушкинском и Нюксенском районах, причем в последнем встречается детально проработанная голова животного угрожающего вида. В Бабушкинском районе могли надеть на себя

настоящую голову зарезанного козла. В Тотемском районе делали «рыло» из двух досок. Сзади у козы было прикреплено решето и хвост в Тотемском и Бабушкинском районах. В Нюксенском и Бабушкинском районах козел имел устрашающий вид, в первом он хлопал «рыло», пугал, во втором – скакал, шевелил рогами, шелкал челюстью, бодал.

Ряженые осами по внешнему виду различаются полностью, но суть действия одна – причинить боль девушкам с помощью виц, шил или крючков.

Таким образом сопоставительный анализ традиций ряженья привел нас к следующим выводам:

1. Стержень обряда является общение с предками и богами, что необходимо для обеспечения урожая, приплода скота или плодovitости семейства.

2. Перевоплощение, в представлениях людей, очень ответственное и опасное явление, после которого важно избавиться от грехов, связи с нечистой силой путем молитв, действий, очищения святой водой.

3. Наличие определенного круга зооморфных персонажей ряженья не случайное, так как на основе анализа мифологических представлений людей эти животные всегда ассоциировались с одной стороны, с плодородием, богатством, мудростью, силой, со второй, с нечистой силой, а, значит, и с душами умерших людей, и со сменой времени года, с третьей. Это подтверждается и нашими наблюдениями: медведь и медвежата, уколы девок клювами гуся и петуха как символ плодородия, кони как символ свадьбы и смены времени года, зловещая голова козы как олицетворение дьявола, черта.

4. Самыми распространенными зооморфными персонажами святочного ряженья являются медведь, гусь и лошадь. Осы, коза и, в особенности, корова являются самыми непопулярными персонажами.

5. В поведении ряженого медведем есть различия, но суть его одна – обращение к девкам – воплощение плодородной функции медведя. Медведя обычно приводили в избу на поводке, в этом может проследиваться пережиток древних сенок с живым ученым медведем. В случае, когда его приводят охотники с ружьями, просматривается функция медведя как тотемного животного.

6. Процессия, связанная с ряженым конем, во всех районах состояла из нескольких человек. Чтобы перевоплотиться в данного персонажа во всех районах на участников что-то накидывали. В Сямженском, Тарногском и Нюксенском районах одним из атрибутов была дуга, к которой были прикреплены колокольцы – элемент свадьбы и функции продолжения рода.

7. Практически во всех районах лошадь и сопровождающие ее люди ведут себя агрессивно относительно девок. Такая же тенденция проследивается и в образах курицы, гуся и ос. Только в Тарногском районе лошадь могла катать детей.

8. Вывернутая мехом наружу шуба, овечьи, медвежьи и другие шкуры, являющиеся воплощением богатства, встречаются практически у всех ряженных во всех районах.

9. Проведенный анализ может быть полезен учреждениям культуры и образования для проведения концертов-лекториев, праздников, изучения традиции святочного ряженья и ознакомления с мифологическими представлениями людей о животных – героях «окрутничества».